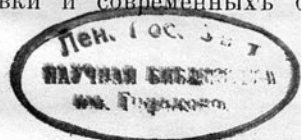

А ф ф е к т ъ.

Проф. П. И. Ковалёвскій (Варшава).

Всякое наше ощущение и представление сопровождается реакціей самочувствія, степень проявленія и характеръ коего всегда находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ ощущенія, или представленія. Въ обычной жизни чувственная сторона должна находиться въ подчиненіи стороны мыслительной; однако существуютъ различныя лица, у коихъ колебанія въ состояніи самочувствія бываютъ очень повышены, или очень понижены. Встрѣчаются люди, отъ ничтожныхъ причинъ приходящіе въ вспыльчивость, раздражительность, гнѣвъ и ярость, бываютъ и такія лица, кои и сильными раздраженіями не выводятся изъ своего равнаго состоянія. Усиленные и чрезмѣрные колебанія въ области аффектовъ, въ однихъ случаяхъ обусловливаются прирожденными свойствами центральной нервной системы, въ другихъ случаяхъ они обусловливаются истощающими жизненными моментами, какъ: пьянство, развратъ, болѣзни, пуэрперальные процессы и проч. Это состояніе въ прежнее время описывалось подъ именемъ *irascundia morbosa*. Быстро наступающее разстройство душевнаго равновѣсія и составляетъ аффектъ. Въ однихъ случаяхъ аффектъ идетъ одновременно съ сохраненіемъ сознанія и дѣйствія и поступка, хотя до нѣкоторой степени задерживаются и подавляются сознаніемъ, другой разъ аффектъ бываетъ настолько силенъ, что подавляетъ въ человѣкѣ сознаніе окружающей обстановки и современныхъ обстоятельствъ

269.

и, наконецъ, въ иныхъ случаяхъ аффектъ совершенно подавляетъ сознаніе и выводитъ данный моментъ времени изъ круга сознанія и воспоминанія.

Различаютъ аффекты пріятнаго и непріятнаго свойства; различаютъ также аффекты тѣлесные и нравственные или этическіе, къ послѣднимъ относятъ: чувство собственного достоинства, уваженія, сочувствія или состраданія, призрѣнія и проч. Если какое либо представленіе переходитъ въ стремленіе и не находитъ себѣ исхода, то оно легко можетъ разрѣшиться аффектомъ ярости.

Хотя всѣ люди одинаково склонны къ проявленію аффектовъ, тѣмъ не менѣе степень ихъ проявленія во многомъ обуславливается личными особенностями даннаго человѣка, такъ, при этомъ играютъ роль: возрастъ (люди въ молодомъ возрастѣ болѣе склонны къ аффектаціи, въ зрѣломъ и пожиломъ — несравненно менѣе), полъ, темпераментъ, воспитаніе, условія жизни, удары судьбы, сильныя впечатлѣнія и проч. Всѣ эти условія могутъ способствовать или сохраненію равновѣсія, или его нарушенію; по этому прилагать одну и ту же мѣрку взысканія и опредѣленія ко всѣмъ людямъ и неправильно и несправедливо.

Какъ нѣтъ рѣзкихъ границъ между умомъ и слабоуміемъ, такъ точно существуетъ множество переходныхъ ступеней отъ возбудимости человѣка нормальнаго къ возбудимости патологической. Такой переходной классъ людей, напр., представляютъ холерики, которые постоянно проявляютъ состоянія раздраженія, распаенія и опять раздраженія и распаенія.

Дать точное опредѣленіе аффекту очень трудно, мы ¹⁾ его опредѣляемъ такъ: подъ именемъ аффекта разумѣется уклоненіе въ душевной дѣятельности, характеризующееся моментальною потерей сознанія и уничтоженіемъ свободы воли, съ послѣдовательнымъ истощеніемъ и непродолжительнымъ помраченіемъ ума, при одновременномъ сохраненіи нерѣдко самой сложной дѣятельности со стороны двигательной системы.

1) П. И. Ковалевскій. Общая психопатологія, изд. 4, стр. 92.

Bihler ²⁾ говоритъ, что, съ клинической точки зрѣнія, это есть шокъ, который вызываетъ то большія, то меньшія измѣненія въ сосудистой иннервации, обуславливающія потерю сознанія и амнезію. *Krafft-Ebing* говоритъ, что повышенная аффективность представляетъ собою постоянную душевную гиперестезію, малѣйшія измѣненія въ которой могутъ давать вспышки, въ видѣ періодическаго буйства и ярости, почему онъ, какъ и *Müller*, и *Bihler* и др., относятъ патологическій аффектъ къ области проходящихъ расстройствъ самосознанія.

Не имѣя въ виду подробнаго изложенія ученія объ аффектахъ вообще и преслѣдуя, главнымъ образомъ, изученіе патологическаго аффекта, мы должны указать на еще одно дѣленіе аффектовъ, по формѣ своего проявленія: стеническіе и астеническіе аффекты. Къ первымъ относятся: гнѣвъ, радость, отчаяніе и проч., ко вторымъ: печаль, испугъ, боязнь и проч. Первые сопровождаются возбужденіемъ и чрезмѣрнымъ усиленіемъ душевной, особенно мускульной, дѣятельности, вторые—уменьшеніемъ послѣдней и они-то составляютъ собою въ собственномъ смыслѣ оцѣпенѣніе. Астеническіе аффекты мало представляютъ данныхъ для совершенія преступленій, почему мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и особенное наше вниманіе обратимъ на стеническіе аффекты, которые наиболѣе часто даютъ поводъ судебно-психіатрической экспертизѣ.

Въ теченіи стеническаго аффекта различается три періода: періодъ предуготовительный, предшествующій аффекту, періодъ взрыва страсти или самаго аффекта и періодъ истощенія, послѣдующій за аффектомъ.

I. *Предуготовительный періодъ*. Почти всегда стеническій аффектъ имѣетъ въ основѣ своей печальное, мрачное, и подавленное настроеніе. Сюда на помощь могутъ прійти хроническіе аффекты (*Kraepelin*) заботъ, горя и раскаянія. Этотъ психологическій моментъ самъ по себѣ можетъ стать почвою и импульсомъ къ проявленію и разряженію аффекта, но къ этому присоединяется еще анатомическій моментъ — анемія

²⁾ *Bihler*. Der pathologische Affect, Friedreichs Blätter, 1893.

мозга, недостаточное его питаніе и ограниченное окисленіе. Это тотъ фонъ, на которомъ возникаетъ аффектъ и который служитъ предуготовленіемъ для его развитія.

Предшествующій или предуготовительный періодъ аффекта можетъ быть и не быть, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ бываетъ. Продолжительность его различна — отъ нѣсколькихъ минутъ и часовъ и до нѣсколькихъ дней и мѣсяцевъ. Въ этомъ періодѣ человѣкъ пребываетъ въ очень мрачномъ и подавленномъ настроеніи духа, или же въ состояніи раздраженія, озлобленія и гнѣва, вслѣдствіе цѣлаго ряда неудачъ, непріятностей, огорченій, и толчковъ. Примѣръ: чиновникъ честно и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности; но почему то ему не везетъ. Масса придирокъ и оскорбленій валится на неудачника. А между тѣмъ семья хочетъ кушать, нужно ее содержать. Приходится терпѣть и все переносить. Человѣкъ честнымъ трудомъ и терпѣніемъ стремится получить высшее мѣсто и большее содержаніе. Но разъ за разомъ люди протекціи отбиваютъ у него искомое и ожидаемое. У него накапливается злоба и противъ счастливчиковъ и противъ начальства. Но вотъ ему обѣщали мѣсто. Онъ является на службу въ полной увѣренности услышать отъ начальника, что онъ назначенъ на высшую должность. Но вмѣсто этого ему бросаютъ въ глаза отказъ и насмѣшку. Мѣра терпѣнія человѣка переполнилась. Ярость одолѣла. Въ глазахъ помутилось и, не сознавая ни окружающихъ, ни себя, онъ наноситъ оскорбленіе дѣйствіемъ начальнику.

Въ этомъ актѣ выступаетъ два явленія: болѣе или менѣе продолжительное подготовленіе и переживаніе раздраженного состоянія и неожиданность и внезапность наносимаго послѣдняго раздраженія, упавшаго на подготовленную почву. Быть можетъ въ мысляхъ больного уже не разъ совершался этотъ поступокъ, но онъ совершался мысленно и не находилъ себѣ осуществленія на дѣлѣ. До сихъ поръ сознаніе и мышленіе тяготѣли надъ страстною стороною дѣла, они сдерживали ее и не отпускали въ дѣйствіе двигательной области. Но теперь наступилъ моментъ, когда страсть взяла перевѣсъ надъ раз-

судкомъ. Сознаніе и мышленіе выведены изъ круга дѣятельности и произошла непосредственная передача изъ чувственной стороны на двигательнукъ.

Въ виду этого обстоятельства, во всѣхъ случаяхъ аффекта должно обращать вниманіе на предуготовительный періодъ,— должно тщательно изучать душевное состояніе совершившаго преступленіе до совершенія его, обстоятельство, при которыхъ оно совершено и психологію лица, которому нанесено оскорбленіе. Почти [всегда тщательное изученіе дѣла увѣнчивается успѣхомъ и даетъ возможность разъяснить характеръ самого преступленія.

II. *Періодъ аффекта или умоизступленія.* Проявленію аффекта или умоизступленія всегда предшествуетъ сильное чувственное потрясеніе или сильный взрывъ страсти. Въ большинствѣ случаевъ напряженность аффекта будетъ стоять въ прямомъ отношеніи къ силѣ взрыва страсти или чувственного напряженія, вызвавшаго аффектъ. Кромѣ того, на напряженность аффекта оказываетъ громадное вліяніе внезапность и неожиданность появленія взрыва страсти и, наконецъ,— что весьма важно,— полученіе извѣстія или чувственного воспріятія, совершенно обратнаго по своимъ качествамъ тому, котораго человѣкъ ожидалъ. Каждое изъ этихъ условій само по себѣ уже имѣетъ громадное значеніе на силу аффекта, а еще и того болѣе, если всѣ эти условія соединятся вмѣстѣ и дѣйствуютъ одновременно. По этому наибольшій аффектъ получится въ томъ случаѣ, когда взрывъ чувства и страсти появится внезапно, имѣетъ чрезвычайную степень напряженности, вызываетъ неожиданно и содержитъ значеніе, совершенно обратное ожидаемому.

Разумѣется, почти во всѣхъ случаяхъ аффекта, толчкомъ къ появленію его служить не простое чувствительное воспріятіе, не простое ощущеніе, а воспріятіе чувственное, страстное начало. Всякое такое чувственное или страстное состояніе въ области душевной можетъ дѣйствовать по двумъ направленіямъ: оно воздѣйствуетъ на область представленій и на область движеній. Примѣръ: кого либо публично называли под-

лецомъ. Вызванный этимъ заявленіемъ гнѣвъ дѣйствуетъ въ двоякомъ направленіи: первый порывъ — побить обидчика, одновременный же — что нужно сдѣлать при этомъ?

Если въ области представленій сопоставленіе различныхъ условій будетъ настолько сильно, что одолѣетъ моментальный взрывъ страсти гнѣва, то движеніе къ избіенію задерживается, обидчикъ остается непобитымъ и обиженный избираетъ другой путь для очищенія нанесеннаго ему оскорбленія. Но могутъ быть и такіе случаи, гдѣ взрывъ гнѣва совершенно подавляетъ происхожденіе ассоціаціи представленій и всею силою обрушивается на двигательную область, — тогда въ заключеніе получается драка.

Какова бы ни была сила страстнаго или чувственнаго взрыва, всегдашнее его вліяніе на область представленій таково, что ходъ представленій моментально останавливается или тормозится. Въ высшей степени аффекта въ области представленій происходитъ полная задержка хода представленій; послѣднимъ представленіемъ будетъ то, которое основано на чувственномъ взрывѣ, да и то будетъ какъ-то неясно. Въ менѣе напряженныхъ случаяхъ нѣкоторая ассоціація представленій возможна, но она при этомъ бываетъ не всесторонняя, а крайне ограниченная. Сочетаются только тѣ представленія, которыя находятся въ какомъ-либо родствѣ съ основнымъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ происходитъ въ полномъ смыслѣ потеря сознанія, т. е. потеря возможности сопоставлять представленія и чувствительное начало и дѣлать изъ этого тотъ или другой выводъ.

Тѣ мозговые центры, которые служатъ источникомъ представленій и сопоставленія представленій, слѣдовательно центры, упорядочивающіе наши дѣйствія путемъ всесторонняго обсужденія, во время аффекта бываютъ парализованы, они какъ-бы выводятся изъ цѣпи душевной дѣятельности. Взрывъ страсти, такимъ образомъ, дѣйствуетъ все-таки двояко: на область представленій, поражая и парализуя ее, и на область движеній, вызывая въ ней ничѣмъ несдерживаемую необузданную дѣятельность.

Естественно, что при этомъ состояніи мыслительной области, при плохомъ состояніи области представленій, выбора въ дѣйствіи не существуетъ. Всякое движеніе есть непосредственный эффектъ чувства. Слѣдовательно, всякое движеніе въ аффектѣ является *простымъ рефлексомъ*, является машинообразно, роковымъ образомъ. Всѣ поступки человѣка безсознательны, они перестаютъ быть свободными дѣйствіями, а становятся безсознательнымъ проявленіемъ прямого раздраженія психомоторныхъ центровъ мозговой коры³⁾. Такое движеніе, какъ бы оно ни было цѣлесообразно или нецѣлесообразно, не можетъ не явиться.

Свободы воли въ такихъ случаяхъ не бываетъ, потому что въ области сужденій не происходитъ никакой дѣятельности, — нѣтъ колебанія и нѣтъ выбора между выводомъ разсудка и требованіемъ страсти. Произвольное движеніе является только лишь подъ вліяніемъ страсти, безъ всякаго участія со стороны разсудка. Слѣдовательно, фраза — *свобода воли* означаетъ только лишь то, что при совершеніи извѣстнаго поступка не было выбора между выводомъ сознанія и разсудка и требованіемъ страсти, а все дѣйствіе произошло подъ вліяніемъ одной страсти.

Слѣдовательно, важнѣйшій признакъ состоянія аффекта есть *прекращеніе дѣятельности въ области представленій, остановка хода представленій и выведеніе этой области изъ цѣли душевной дѣятельности*. Последнимъ представленіемъ будетъ то, которое вызвано взрывомъ страсти, и всѣ поступки въ подобныхъ случаяхъ будутъ происходить рефлекторно, машинально, роковымъ образомъ. Естественно отсюда, что въ этихъ случаяхъ свобода воли будетъ отсутствовать вполне, свободный выборъ дѣйствія не существуетъ или же состояніе сознанія будетъ находиться въ видѣ сноподобномъ, почему опять таки дѣйствія будутъ произведены механически и автоматически. Это состояніе справедливо называютъ *безсознательнымъ, помраченіемъ ума, безпамятствомъ, умоизступленіемъ* и проч.

³⁾ Kraft-Ebing, Lehrbuch der Psychiatrie, Bd. 1, S. 547.

Казуистика намъ говорить, что почти во всѣхъ случаяхъ аффектовъ люди, находящіеся въ этомъ состояніи, ничего не помнятъ о происходившемъ съ ними въ моментъ аффекта. Последнее, что остается въ ихъ памяти, это моментъ взрыва страсти, а что затѣмъ — они рѣшительно не помнятъ. Правдиво ли это? Не есть ли это ложь и надувательство? Быть можетъ, они отлично все помнятъ и только не хотятъ намъ говорить объ этомъ? Мы знаемъ, что память слагается изъ двухъ элементовъ: способности *запоминанія*, т. е. усвоенія данныхъ ощущений, и способности *припоминанія*, т. е. восстановления прежде бывшихъ ощущений и представлений. Въ этомъ случаѣ поражается способность припоминанія, т. е. восстановления того, что было съ человѣкомъ въ моментъ аффекта. Но для того, чтобы правильно и отчетливо дѣйствовала способность воспоминанія, необходимо, чтобы предварительно было полное и точное усвоеніе впечатлѣній и ясное образованіе изъ нихъ представлений. А мы знаемъ уже, что въ моментъ аффекта ни воспріятія впечатлѣній, ни образованія ощущений и представлений не происходитъ. Последнее представление — это вызванное взрывомъ страсти, — далѣе же область представлений не работаетъ. А потому весьма естественно и заслуживаетъ полного довѣрія заявленіе лицъ, перенесшихъ состояніе аффекта, о томъ, что они рѣшительно ничего не помнятъ объ этомъ состояніи. Помнить — значитъ удерживать тѣ представленія и понятія, которыя образуются въ извѣстный моментъ; такъ какъ въ моментъ аффекта ни представленія, ни понятія не образуются, то и помнить нечего. *Kraftt-Ebing* говоритъ: для слѣдователя первымъ указаніемъ существованія патологическаго аффекта должно служить прежде всего показаніе обвиняемаго о томъ, что онъ не помнитъ или помнитъ не вполне содѣянное имъ.

Не остается безъ измѣненій и тѣлесная сторона жизни человѣка въ моментъ аффекта. Подъ вліяніемъ страсти, въ стеническомъ аффектѣ, лицо красное, глаза блестящіе, кровообращеніе усилено, дыханіе то захватывается, то бываетъ учащено, пульсъ тоже подвергается измѣненію (*Wolff*), иногда при этомъ наблюдается расстройство сердечной дѣятельности,

слезливость, потѣніе, смѣхъ, дрожь и проч. При аффектѣ страха, испуга и ожиданія могутъ явиться иллюзіи и галлюцинаціи, которыя дадутъ картинѣ аффекта нѣсколько иной оттѣнокъ. Иногда сильный аффектъ можетъ заканчиваться душевнымъ длительнымъ заболѣваніемъ и даже слабоуміемъ (*Krafft-Ebing*).

Такимъ образомъ, второй періодъ аффекта, или въ собственномъ смыслѣ аффектъ, характеризуется взрывомъ чувства или страсти, прекращеніемъ мыслительной дѣятельности, усиленнымъ движеніемъ, соотвѣтственно взрыву страсти, и измѣненіями въ кровообращеніи, дыханіи и питаніи мозговыхъ центровъ. Въ этихъ случаяхъ происходитъ какъ-бы особенное какое-то органическое раздраженіе въ психомоторныхъ центрахъ мозговой коры, съ одновременнымъ парализующимъ вліяніемъ на центры чувствительные и мыслительные.

III. *Періодъ истощенія или послѣдующій за аффектомъ.* Нѣтъ слова, что аффектъ есть чрезмѣрное напряженіе силъ, какъ физическихъ, такъ и особенно нравственныхъ и мыслительныхъ. Естественно ожидать, что за такимъ сильнымъ напряженіемъ послѣдуетъ соотвѣтственное тому расслабленіе и истощеніе.

Бываютъ случаи, что люди, послѣ приступа сильного аффекта, нерѣдко послѣ сильнѣйшаго преступленія, падаютъ и засыпаютъ сномъ праведнаго на мѣстѣ преступленія. Но это далеко не всегда такъ. Въ другихъ случаяхъ замѣчается явственное расслабленіе и истощеніе. Расслабленіе это замѣчается въ лицѣ, конечностяхъ, походкѣ и движеніяхъ. Лицо больного выражаетъ усталость и изможденность, ноги едва передвигаются, изъ рукъ падаютъ предметы и пр. Все окружающее какъ бы не касается человѣка, онъ относится ко всему тупо и глухо; органы чувствъ почти лишены способности воспріятія, или же, если они и работаютъ, то крайне вяло и невнимательно.

Нравственное чувство тоже до крайности притуплено, замѣчается поразительное равнодушіе ко всему содѣянному. Нерѣдко при всеобщемъ возбужденіи, при всеобщемъ возмущеніи поступкомъ или преступленіемъ даннаго лица, одинъ только пре-

ступникъ остается ко всему безразличнымъ и равнодушнымъ. Это равнодушіе чловѣка послѣ аффекта, равнодушіе какъ къ своей жертвѣ, такъ и къ самому себѣ, заставляетъ обращать на себя вниманіе. Оно служить положительнымъ признакомъ полного истощенія душевной дѣятельности и указываетъ на полную неспособность къ воздѣйствію.

Мыслительная область представляетъ собою состояніе помраченія. Количество представленій, правда, больше, чѣмъ въ моментъ аффекта, но представленія эти бываютъ крайне безсвязны, разрознены и вполнѣ не соответствуютъ данному положенію. Чловѣкъ не можетъ собраться съ мыслями, привести ихъ въ порядокъ, дать имъ надлежащее теченіе и сдѣлать надлежащую оцѣнку содѣянному. Во всей его умственной дѣятельности замѣтно полное отсутствіе личнаго участія, все дѣлается какъ-то само собою, машинально.

Не у всѣхъ лицъ въ одинаковой мѣрѣ могутъ возникать аффекты, напротивъ, одни расположены къ нимъ болѣе, другіе менѣе. Темпераментъ, характеръ, воспитаніе, слѣдовательно, обстоятельства, за которыя никоимъ образомъ не можетъ отвѣчать то или другое лицо, оказываютъ могущественное вліяніе на форму проявленія аффекта ⁴⁾. Поэтому важно знать тѣ условія, которыя способствуютъ возникновенію аффекта и даже иногда дѣлаютъ его неизбѣжнымъ. Сюда относятся:

а) Появленіе раздражительности и склонности къ вспыльчивости и аффектамъ, до безпамятства, отъ рожденія. Въ этомъ случаѣ состояніе раздражительности будетъ унаслѣдованное.

б) Общественныя условія жизни, когда чловѣкъ съ дѣтства лишенъ воспитанія, видѣлъ всюду страсти, нерѣдко самъ участвовалъ въ этихъ страстныхъ проявленіяхъ, унаслѣдованная способность къ пьянству, усиленный развратъ, бѣдность и несчастная жизнь, постоянныя жизненныя неудачи, занятія, связанныя съ постояннымъ раздраженіемъ и проч.

в) Органическія страданія: пороки сердца, хроническія болѣзни легкихъ, нарушеніе менструаціи, болѣзни другихъ орга-

⁴⁾ Краффтъ-Эбингъ. Начало уголовной психіатріи, стр. 119.

новъ тѣла, истощеніе, общее малокровіе, травма, инфекціонныя болѣзни и пр.

д) Расположеніе къ нервнымъ страданіямъ. Сюда относятся патологическая нервная наслѣдственность и семейное расположеніе къ неврозамъ: крайняя раздражительность характера, нервность (*neurosis*), органическія страданія нервной системы: воспаленіе мозга и его оболочекъ, высшіе невроты, какъ: истерика, пляска Св. Витта, эпилепсія и проч.

е) Психозы, — особенно же меланхолія, эпилепсія и прогрессивный параличъ помѣшанныхъ, идіотія и тупоуміе; но самыми опасными въ этомъ отношеніи являются люди, стоящіе на границѣ между тупоуміемъ и нормою (нравственно помѣшанные, миттоиды и проч.); это состояніе тѣмъ болѣе затруднительно для оцѣнки; что такіе люди, обнаруживая отсталость и недостатокъ высшихъ чувствъ, для обычныхъ людей не кажутся больными. Не обладая равновѣсіемъ, они становятся игрушкой страсти.

Нѣкоторые психіатры, по отношенію къ вмѣняемости, дѣлятъ аффекты на двѣ категоріи: *аффекты фізіологическіе* и *аффекты патологическіе*. Къ фізіологическимъ относятся всѣ тѣ, которые обнаруживаются у людей совершенно здоровыхъ; къ патологическимъ же аффектамъ — тѣ аффекты, въ основѣ которыхъ можно найти вышеуказанныя болѣзненные явленія.

При патологическомъ аффектѣ центральная нервная система уже раньше бываетъ расшатанною и представляетъ функциональную психическую слабость высшихъ душевныхъ проявленій.

Переводя эти термины на языкъ законодательства, мы полагаемъ, что фізіологическій аффектъ будетъ соответствовать термину *запальчивость*, а патологическій аффектъ — *состоянію болѣзни, доведшей до умоизступленія и полного безпамятства*.

Что касается вмѣняемости и ответственности такихъ лицъ, то, принимая во вниманіе болѣзненность этого состоянія, онѣ должны быть уменьшенными, или и вовсе отсутствовать, въ зависимости отъ того имѣемъ-ли мы дѣло съ фізіологическимъ или патологическимъ аффектомъ. Законъ не долженъ поощрять

аффектовъ, но разъ признано, что это болѣзненное состояніе и развивается на патологической почвѣ, то за поступки въ такомъ состояніи человѣкъ не можетъ считаться виновнымъ и подвергаться отвѣтственности. Поэтому фізіологическій аффектъ долженъ быть признанъ за условіе, смягчающее вину данного лица, а патологическій аффектъ долженъ избавлять данное лицо отъ отвѣтственности.

Мы приведемъ здѣсь случаи изъ собственной практики:

1) Я., 52 л., дворянинъ, отставной гусарь, помѣщикъ, хлѣбъ, обвинялся въ убійствѣ выстрѣломъ изъ револьвера своего слуги. Я. происходилъ отъ здоровыхъ родителей и до 40 л. ни чѣмъ не болѣлъ, съ 40-лѣтняго же возраста у него появилась половая импотенція, отъ которой онъ много и бесплодно лѣчился. Кромѣ того онъ страдалъ головокруженіемъ, произвольнымъ истеченіемъ семени, значительною чувствительностію позвоночника и нервнымъ раздраженіемъ.

По выходѣ въ отставку, около 20 лѣтъ назадъ, онъ поселился въ своемъ маленькомъ имѣніи и велъ тихую и скромную жизнь. Дворню свою онъ очень любилъ и вмѣстѣ съ нею ѣлъ и пилъ. Это былъ «душа человѣкъ». Всѣ крестьяне его очень любили и онъ былъ съ ними простъ, добрѣ и обходителенъ. Особенно онъ баловалъ свой дворъ. Съ бабами и дѣвками онъ велъ себя свободно, шутилъ, игралъ и баловался, но эти отношенія никогда не заходили за извѣстные предѣлы и не было примѣра, чтобы онъ пользовался бабами. Равно и мужья этихъ женщинъ не видѣли въ этихъ отношеніяхъ чего нибудь обиднаго и предсудительнаго и свободно ихъ допускали. Я. любилъ общество, бывалъ у сосѣдей, сосѣди также любили его. У Я. не было враговъ. По словамъ сосѣдей, Я. былъ человѣкъ честный, добрый, самолюбивый, изыскано вѣжливый, но съ нѣкоторыми причудами и вспыльчивый. У этого человека жила въ теченіи 8 лѣтъ маленькая дѣвочка У. Доживши до 16 л., она ушла отъ него и вышла замужъ за С. Къ сожалѣнію, замужемъ она была несчастна. Ея мужъ былъ эпилептикъ, человѣкъ крайне грубый, дерзкій, злой, подозрительный, глуповатый и ревнивый. Онъ ревновалъ свою жену и къ фельд-

шеру, и къ уряднику, и ко всѣмъ крестьянамъ, хотя совершенно безъ всякаго повода. Часто онъ безпричинно придирался къ своей женѣ, ссорился, бранилъ и билъ. Сначала мужъ и жена жили въ семьѣ мужа, но ихъ оттуда выгнали. Перешли къ сосѣдямъ, и оттуда выгнали. Поселились въ своей хатѣ и тутъ нескладно шла жизнь. Видя такое житіе своей питомицы, Я. предложилъ перейти жить къ нему. Та перешла, но противъ этого сильно возсталъ мужъ и потребовалъ, чтобы Я. принялъ и его на службу къ себѣ. С. приняли дворникомъ. Съ этихъ поръ начался адъ въ домѣ Я. Начали раздаваться крики, шумъ, гамъ, брань, побои, визгъ и плачь. Тяжело было всѣмъ, но вдвое тяжелѣе было Я. Долго онъ терпѣлъ и старался урезонить С., но всѣ убѣжденія были напрасны. Битье продолжалось. Наконецъ, Я. предложилъ С. сто рублей, чтобы онъ не билъ свою жену и оставилъ ее и его домъ въ покоѣ. Но С. продолжалъ безобразить въ домѣ Я. Для Я. стала жизнь противна. Между тѣмъ С. перенесъ свою злобу съ У. и на Я. Онъ косился на Я., втихомолку бранилъ его и похвалялся убить Я. Эта похвальба С. дошла до свѣдѣнія Я. Все это неблагопріятно подѣйствовало на Я. Онъ сталъ задумчивъ, придирчивъ, раздражителенъ, несправедливъ къ окружающимъ и слезливъ. Между тѣмъ непріятности усиливались. Это еще болѣе разстроило Я. Онъ не спалъ по ночамъ и сдѣлался осторожнымъ, уходилъ изъ дому и не разставался съ револьверомъ и два раза изъ боязни не ночевалъ дома. Его домъ пересталъ теперь быть для него мѣстомъ покоя и онъ сталъ избѣгать и чуждаться своего дома. По поводу похвальбы С. убить Я., Я. жаловался сосѣдямъ: «что мнѣ дѣлать,—три дня назадъ я хотѣлъ покончить съ собою.... дома визгъ, крикъ, брань ... Все это невыносимо для меня».... Измѣненія въ характерѣ Я. усиливались и онъ по ночамъ сталъ баррикадировать свою дверь, чего прежде не дѣлалъ. За день до преступленія Я. былъ взволнованъ, какъ бы въ лихорадочномъ состояніи, жаловался на свое одиночество и безпомощность, на плохо сложившуюся жизнь, а также и на то, что за всѣ его дѣла его же хотятъ и убить. Въ этотъ день Я. былъ

въ гостяхъ. Возвращаться ночью домой онъ боялся и его проводили два сосѣда. Прибыли домой въ 2 часа ночи. Я. очень просилъ сосѣдей остаться у него ночевать, такъ какъ онъ боялся одинъ оставаться, но тѣ не остались. Въ это время ссоры и драки въ семьѣ С. шли возрастаая и возрастаая. Утромъ на другой день Я. былъ мраченъ. Отказался отъ чая. Пошелъ въ церковь, гдѣ съ уважаемымъ сосѣдомъ держалъ себя очень странно. По приходѣ изъ церкви домой, Я. написалъ сосѣду такое письмо: «Секретно. Ради всего святого, добрый П. Н., пріѣзжайте на одинъ часъ послѣ обѣда». Отъ обѣда Я. отказался и сидѣлъ въ своей комнатѣ. Въ это время раздался неистовый визгъ. Это С. билъ свою жену и волочилъ ее за косу. Я. былъ внѣ себя и бросился къ ихъ комнатѣ. Въ это время С. выскочилъ изъ своей комнаты. Толкнулъ-ли онъ Я., или нѣтъ,—Я. этого не помнитъ, но С. повалился мертвымъ отъ пули изъ револьвера Я. Совершивши преступленіе, Я. былъ пораженъ какъ громомъ: метался изъ стороны въ сторону, ломалъ себѣ руки, плакалъ и представлялся какъ бы обезумѣвшимъ. Въ дальнѣйшемъ онъ представлялся крайне взволнованнымъ, ошеломленнымъ, спутаннымъ, растеряннымъ и даже галлюцинировалъ. Мало по малу все это состояніе улеглось, при чемъ Я. совершенно не помнилъ обстоятельствъ преступленія.

2) М., 22 л., артиллерійскій офицеръ. Отецъ его страдалъ запоями,—мать была нервная женщина, братъ больного человѣкъ болѣзненный и слегка ипохондрикъ. Самъ М. былъ человѣкъ очень добрый, прекрасный и всѣми любимый товарищъ, образцовый служака, крайне самолюбивый и вспыльчивый. Еще съ дѣтства онъ былъ вспыльчивъ до самозабвенія. Однажды, когда его дразнили товарищи въ артиллерійскомъ училищѣ, онъ одному изъ нихъ едва не разбилъ головы камнемъ. Будучи на службѣ, когда его будилъ товарищъ, онъ бросился на него съ саблей и едва не разсѣкъ ему голову. По выходѣ изъ артиллерійскаго училища, онъ поступилъ въ батарею, гдѣ его очень полюбили и товарищи, и командиръ. Командиръ батареи Д. очень былъ друженъ съ М., всюду хвалилъ его и

представлялъ, какъ своего друга. Вскорѣ Д. познакомилъ М. съ семействомъ В., гдѣ была дѣвушка А. Въ этомъ домѣ Д. принять былъ какъ свой человѣкъ. М. также облюбовалъ этотъ домъ, особенно-же дѣвицу А. и скоро на ней женился. Д. былъ у нихъ посаженнымъ отцомъ. Съ этого момента жизнь М. стала несчастною. А. оказалась не непорочною дѣвушкой. При допросѣ мужа, она чистосердечно созналась, что Д., слывшій въ городѣ за Донъ-Жуана, сильно за ней ухаживалъ, общался на ней жениться, изнасиловалъ ее и при этомъ заразилъ бленорреей. Послѣ этого онъ однако уѣхалъ въ Москву и тамъ женился на другой. Но, женившись, онъ не оставилъ въ покоѣ А., онъ подставилъ ей женихомъ и мужемъ М., а самъ пользовался ею въ качествѣ любовницы, угрожая ее обезчестить предъ обществомъ и женихомъ. А. должна была все выносить и терпѣть. Даже на вечеринкѣ у М. и въ день бракосочетанія Д. требовалъ отъ А. продолженія любовныхъ отношеній, строжайше запретилъ обо всемъ этомъ говорить мужу. Весь этотъ разсказъ убилъ М. Его лучший другъ и такъ подло, такъ безчестно поступилъ съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, по настойчивой просьбѣ жены, онъ рѣшилъ не подавать намека на то, что ему все извѣстно. Вмѣстѣ съ этимъ М. замѣтилъ со стороны Д. крайнюю навязчивость, непозволительное нахальство и видимое стремленіе унизить М. и сойтись поближе съ его женою. Поэтому М. рѣшилъ стать съ Д. въ чисто официальныя отношенія. Все это измѣнило отношенія М. и къ товарищамъ и товарищамъ къ нему. Добрый и общительный М. сталъ нелюдимомъ, сидѣлъ дома, ни у кого не бывалъ и никого не принималъ. Такое поведеніе М. объяснялъ тѣмъ, что, по женитбѣ, товарищи какъ-то избѣгаютъ его и не хотятъ быть у него въ домѣ; разумѣется, это дѣлалось изъ за жены его, такъ какъ прежнее его жены имъ было извѣстно. Но была и другая причина домосѣдства М.,—онъ не довѣрялъ своей женѣ и былъ увѣренъ, что Д. не отказался отъ посягательства на нее. М. сталъ подозрительнымъ и не только лично слѣдилъ за женой, но поручилъ тоже и деньщику. Такая подозрительность выходила уже изъ возможныхъ границъ: часто

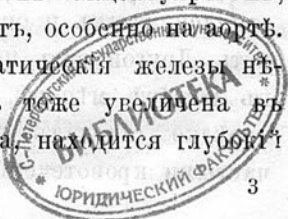
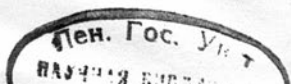
М. по ночамъ вставалъ, осматривалъ комнату, искалъ своего врага и нерѣдко «крупно разговаривалъ съ женою», что она куда-то бѣгала отъ него. Иногда ночью выскакивалъ къ деньщику и допрашивалъ его — никто не приходилъ? Никуда не ходила жена? Къ этому присоединились странныя случайности. Сидитъ М. однажды дома на крыльцѣ съ женою. Приходитъ солдатъ. Пошелъ на конюшню. Назадъ къ крыльцу. Опять къ конюшнѣ и при этомъ глядя на его жену, щелкнулъ языкомъ — «не дурна, дескать». — Зачѣмъ пришелъ? «Къ конюху». Странно. Прежде никогда не бывало, а теперь таскается къ конюху. Это не просто. На другой день пришелъ другой солдатъ. — Тебѣ чего? «Къ вашему деньщику постричься». Опять. Это навѣрное Д. ихъ подсылаетъ. И такъ всякому пустяку М. началъ придавать особенное значеніе. Подозрительность М. отразилась даже на его деньщикѣ, парнѣ глупомъ и необыкновенно добродушномъ, который тоже не спалъ и ночами выжидалъ прихода Д. М. сталъ раздражителенъ, возбужденъ и всюду бранилъ Д. Наканунѣ преступленія его видалъ докторъ и передаетъ, что М. былъ взволнованъ, суетился, беспорядочно бѣгалъ по комнатѣ и грозилъ Д., такъ что послѣднему нужно было быть на сторожѣ. По службѣ М. сталъ не исправенъ и Д. дѣлалъ ему внушенія, между тѣмъ, когда М. просился о переводѣ въ другую батарею, то Д. противился этому переводу и хотѣлъ оставить М. въ своей батарее. М. страдалъ безсонницей, ничего не ѣлъ и сталъ очень вспыльчивъ. За нѣсколько дней до преступленія М. отлучился на полчаса къ сосѣду. По возвращеніи онъ нашелъ жену чѣмъ-то взволнованною и смущенною. На вопросы о причинѣ — она ничего не отвѣчала. Въ день преступленія, послѣ обѣда М. сидѣлъ и благодушно готовилъ какао. Въ это время жена позвала его къ себѣ и онъ услышалъ отъ нее слѣдующее: «А знаешь, Саша, въ тотъ день (когда онъ засталъ ее взволнованною) ко мнѣ ворвался Д. и, пользуясь моимъ болѣзненнымъ состояніемъ, изнасиловалъ меня». Какъ ножомъ кто пырнулъ М. Моментально онъ схватилъ попавшійся въ руки перочинный ножъ и нанесъ три удара черенкомъ его по головѣ жены. За тѣмъ выскочилъ изъ двора и быстро направился на

площадь, гдѣ Д. производилъ ученіе батареѣ. Подбѣжавши къ Д., М. схватилъ сзади Д. лѣвою рукою за плечо, а правою нанесъ ему три удара ножомъ въ затылокъ. Лицо М. было въ это время красное, глаза дикіе и весь видъ крайне возбужденный. При этомъ онъ произнесъ: «Вотъ тебѣ за то, что ты врываешься въ чужой домъ и позоришь чужую честь». За тѣмъ, обратившись къ офицерамъ, онъ держалъ какую то безсвязную рѣчь, предметомъ которой была жалоба на Д. Когда одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ взять ножъ, то М. ему долго не давалъ, а за тѣмъ отдалъ и отправился домой. Пришедши домой, онъ засталъ жену въ слезахъ и съ компрессами на головѣ. Онъ началъ допрашивать ее, кто ее обидѣлъ и кто смѣлъ побить ее,—и очень былъ пораженъ, когда узналъ, что побилъ ее онъ самъ. Къ вечеру М. былъ на гауптвахтѣ. Здѣсь онъ представлялся апатичнымъ и подавленнымъ. Онъ нисколько не интересовался ни своей судьбой, ни судьбой Д. Его интересовала болѣзнь жены, у которой вновь (послѣ изнасилованія Д.) появились бѣли. М. жаловался на подлость Д. Черезъ нѣсколько дней это апатичное состояніе перешло въ возбужденіе: у М. явилась крайняя говорливость, суетливость, усиленіе всѣхъ рефлексовъ, галлюцинаціи зрѣнія и слуха, крайняя подозрительность и ревность, бессонница, полная потеря аппетита и страшное возбужденіе противъ оскорбителя. Это состояніе улеглось только послѣ суда надъ М., оправдавшего его преступленіе.

3) Ф. Х., тѣлосложенія средняго, устройства правильнаго. Выраженіе лица осмысленное, съ оттѣнкомъ боязливости. Правая сторона лица нѣсколько опущена сравнительно съ лѣвою. Языкъ значительно дрожитъ и уклоняется влѣво. Сердце въ продольномъ направленіи отъ 4-го по 7-е ребро, въ поперечномъ—отъ лѣвой парастернальной линіи заходитъ за лѣвую маммилярную линію; систолическій тонъ акцентуированъ; діастолическій—очень ослабленъ и нечистъ, особенно на аортѣ. Пульсъ скорый, 76 въ минуту. Лимфатическія железы нѣсколько увеличены въ объемѣ. Печень тоже увеличена въ объемѣ. На лѣвой ногѣ, по срединѣ бедра, находится глубокій

Аффектъ.

рубець отъ огнестрѣльной раны, полученной Х. въ Крымскую компанію. Другихъ какихъ либо физическихъ уклоненій не замѣчается.

Воспріятіе и усвоеніе внѣшнихъ впечатлѣній правильно; воспроизведеніе прежде бывшихъ ощущеній тоже безъ особенныхъ уклоненій. Составленіе представленій, ассоціація ихъ, количество въ данную единицу времени, ходъ представленій, ясность, точность и отчетливость представленій не представляютъ никакихъ особенностей для человѣка такого общественнаго положенія, какъ Х. Сужденія и заключенія логичны и послѣдовательны.

Настроеніе духа ровное, ни особеннаго усилія въ сторону угнетенія, ни въ сторону возвышенности самочувствія. Рѣдко, когда Х. приходилъ къ воспоминанію о преступленіи, онъ задумывался и грустилъ; но эта грусть не имѣла въ себѣ ничего болѣзненнаго. Х. былъ всегда тихъ, покоенъ, крайне услужливъ, вѣжливъ, добръ, въ порученіяхъ послушенъ и исполнительенъ. При этомъ всегда можно было замѣчать какую то вялость, забитость, боязливость и нерѣшительность. Никогда въ немъ нельзя было замѣтить особенной раздражительности и вспыльчивости, напротивъ, при обидахъ со стороны сокамерниковъ—психопатовъ, онъ переносилъ эти обиды безропотно и терпѣливо; особенно страстныхъ вспышекъ за все пребываніе въ больницѣ не было замѣтно.

Ф. Х., уроженецъ Харьковской губерніи, крестьянскаго сословія, отставной солдатъ, православный, грамотенъ, по выходѣ въ отставку былъ лѣснымъ сторожемъ, женатъ на третьей женѣ, имѣлъ 4 дѣтей, изъ которыхъ одно умерло, по словамъ Х., отъ спинной сухотки, а остальные здоровы. Первый разъ, это было въ 1873 г., Х. везъ мѣстнаго священника въ другую деревню; вдругъ у него безъ всякаго повода отнялся языкъ и онъ около получаса не могъ ничего говорить. Другой разъ подобное же явленіе съ Х. было въ 1875 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ, при родномъ братѣ Х. Кромѣ того, Х. нерѣдко страдалъ головными болями, головокруженіемъ и частыми кровотечениями изъ носа. Поводомъ къ подсудности

Х. было убійство, совершенное Х. 6 января 1877 года. Дѣло было такъ: на Крещеніе Х. былъ съ своею женою въ гостяхъ. Тамъ онъ встрѣтилъ своего товарища по стражѣ. Было нѣсколько выпито. Х. выпилъ мало, такъ какъ онъ вообще не любилъ пить. Товарищъ Х. просилъ подсудимаго, по дорогѣ домой, отсюда заѣхать къ нему въ гости. Х. согласился. Товарищъ поѣхалъ домой прежде, а Х., подождавши немного, тоже поѣхалъ къ нему съ женою. Приѣхавши туда, Х. засталъ у товарища двухъ гостей, съ которыми онъ хотя не былъ знакомъ, но хорошо зналъ ихъ. Одинъ изъ нихъ, С., хорошо былъ извѣстенъ подсудимому и при томъ съ дурной стороны,—Х. былъ по занятіямъ лѣсной сторожъ. С. былъ лѣсной воръ. Отношенія Х. къ С. не могли быть хорошими уже по одному,—не могли быть хорошими и по личнымъ качествамъ того и другого лица. На основаніи свидѣтельскихъ показаній, судебный слѣдователь характеризуетъ С. такъ: «это былъ чловѣкъ отпѣтый, готовый на все, почему Х. самъ и другіе лѣсники боялись съ нимъ встрѣчаться на единѣ, когда онъ совершалъ кражу лѣса». На основаніи тѣхъ же показаній, судебный слѣдователь характеризуетъ Х. такъ: «онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій, добрый и услужливый чловѣкъ». Уже одна эта официальная характеристика двухъ людей указываетъ на громадную нравственную бездну, отдѣляющую этихъ людей. С. не любилъ Х., какъ честнаго лѣсничаго, строго исполняющаго свою обязанность и не входящаго съ нимъ ни въ какую сдѣлку. Х. не любилъ С., какъ лѣснаго вора, дѣлавшаго ему неоднократно массу неприятностей. Естественно, что такая встрѣча не могла быть пріятною ни тому ни другому. Тѣмъ болѣе она не могла быть пріятною, что оба были выпивши. Уже по однимъ этимъ условіямъ отъ такой встрѣчи нельзя было ожидать ничего хорошаго. С. началъ приставать къ Х., смѣялся надъ нимъ, острилъ и обзывалъ его крупю и «магазинною крысою»⁵⁾. Х. сначала отмалчивался, затѣмъ, когда С. все болѣе и болѣе приставалъ,

⁵⁾ Самое обидное названіе на югѣ Россіи для солдатъ, особенно гарнизонныхъ.

обругалъ его. По прїѣздѣ сюда хозяинъ дома угощалъ гостей водкою. Затѣмъ началъ угощать водкою С.,—но, какъ отъ хозяина, такъ и отъ С., Х. не захотѣлъ пить. Послѣ ругани Х., С. не переставалъ приставать къ Х. Онъ сѣлъ къ его женѣ и между прочимъ, сказалъ Х.: «ты, крыса, убирайся себѣ на дворъ, а я лягу съ твоею женою спать». Х. отвѣчалъ: «можешь, я въ своей *женѣ не нуждаюсь*». Всѣ гости были на веселѣ и начали танцовать. Танцевалъ и С.—Х. сидѣлъ въ сторонѣ и смотрѣлъ. О дальнѣйшемъ мы передаемъ словами Х.: «С., танцую, нагнулся и взялъ изъ подъ лавки топоръ. Съ топоромъ онъ подскочилъ ко мнѣ и, со словами, «я тебя зарѣжу», приставилъ мнѣ къ шеѣ топоръ. Все, что было до сихъ поръ, я отлично помню. Но что было за этимъ, какъ я выхватилъ у него топоръ, какъ я разрубилъ С. голову, куда я дѣлъ топоръ,—я рѣшительно не знаю». Изъ окружающихъ этого именно момента никто не видѣлъ. Увидѣли только тогда, когда С., съ разрубленнымъ черепомъ, повалился на землю. Убивши С., Х. тихо и спокойно отдалъ топоръ и былъ самъ какъ бы не свой. Спустя нѣкоторое время, онъ вышелъ въ сѣни, вызвалъ туда хозяина и приглашалъ его убить и товарища С. Послѣ того Х. былъ очень печаленъ, задумчивъ и грустенъ⁶⁾.

4) Въ іюлѣ 1880 г. въ Харьковскомъ военномъ окружномъ судѣ судился казенный деньщикъ Ф. Б. за убійство инженеръ-поручика Д., у котораго первый находился въ услуженіи. Б., уроженецъ западныхъ губерній, крестьянскаго сословія, около 25 лѣтъ, грамотенъ; наслѣдственности, семейнаго расположенія къ психозамъ, неврозамъ, пьянству и преступленіямъ не обнаруживается. По поступленіи въ военную службу онъ, по своему желанію, былъ деньщикомъ. Насколько онъ заслужилъ расположенія господъ, видно изъ того, что находясь въ услуженіи у начальника штаба 3-й гвардейской дивизіи, онъ получилъ, по завѣщанію отъ его матери, значи-

⁶⁾ По частностямъ дѣла на этотъ случай походить случай, опубликованный д-ромъ *Ширвинтомъ* въ Сборникѣ судеб. мед. и пр. 1873 г. Т. 3-й. «О крестьянинѣ Д-вѣ, зарѣзавшемъ незнакомаго ему человѣка».

тельную денежную награду. Находясь на службѣ, онъ часто пивалъ, но водка мало на него дѣйствовала. Будучи въ Карсѣ, онъ перенесъ сильный тифъ, этотъ тифъ и подорвалъ его здоровье. Съ этихъ поръ онъ не могъ пить безнаказанно. Выпивши, онъ хмѣлѣлъ и не помнилъ того, что съ нимъ въ это время дѣлалось. Кромѣ того, послѣ тифа онъ замѣчалъ нѣкоторую шаткость и нетвердость въ походкѣ. Что Б. дѣйствительно выпивалъ, доказывается тѣмъ, что, находясь въ услуженіи у Д., онъ два раза былъ на гауптвахтѣ за пьянство. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что предъ совершеніемъ преступления Б. находился пять дней на гауптвахтѣ. 28 марта 1880 г. утромъ, часовъ около девяти Б. возвратился изъ гауптвахты, при чемъ предварительно заходилъ въ шинокъ и тамъ выпилъ. Спустя нѣкоторое время Б. выпилъ еще бутылку водки съ другимъ человѣкомъ и наконецъ, часамъ къ тремъ, выпилъ въ третій разъ. Нужно добавить, что возвратившись съ гауптвахты, Б. засталъ новую кухарку. Съ этой то кухаркой, послѣ третьей выпивки, онъ держитъ такой разговоръ:

«Напрасно ты сюда поступила».

—Почему?

«Да потому, что ты не будешь здѣсь жить».

—Отчего?

«Оттого, что здѣсь не уживаются кухарки, всѣ пропадаютъ съ голоду и чрезъ это не хотятъ жить».

—А ты же какъ живешь?

«Что я. Я—солдатъ, хотя меня и морятъ и голодомъ и холодомъ, но мнѣ некуда дѣться, а ужъ кухарка не станетъ сама себя морить голодомъ».

Потомъ Б., помолчавъ, говоритъ:

«Тутъ такъ мнѣ было, что дня по три сухаря не было на кухнѣ, баринъ получаетъ за меня муку и крупу, а я не вижу никогда ни каши, ни хлѣба, а спекутъ хлѣбъ, такъ и прячутъ въ комнатѣ, а мнѣ не даютъ» ⁷⁾.

⁷⁾ Предъ этимъ Б. былъ деньщикомъ у генерала, у котораго, разумѣется, жизнь была не та, что у бѣднаго, обремененнаго громаднымъ семействомъ, офицера Д.

Онъ опять задумался. Входить Д. Б. сидить и не снимаетъ фуражки.

Офицеръ обращается къ нему.

«Что ты, Федотъ, сидишь, по воду нейдешь?»

— На что тебѣ вода?

«Воды нѣтъ?»

— Воды на дворѣ много, если хочешь, тебя искупаю.

«Ахъ ты свинья, зачѣмъ ты шапки не снимаешь?»

— Не передъ кѣмъ снимать, а передъ тобою не намѣренъ.

Тогда офицеръ схватилъ Б. за волосы, а послѣдній вцѣпился въ офицера, и пошла свалка. Видимо Б. одолѣлъ офицера. Вытащилъ его въ сѣни, схватилъ валекъ и сталъ его бить валькомъ по головѣ. Спустя нѣкоторое время ручка валька отбилась. Тогда онъ схватилъ заступъ и сталъ рубить свою жертву заступомъ. Ужасное звѣрство обнаружилось въ поступкахъ Б. Офицеръ уже не сопротивлялся. Не смотря на крики кухарки «караулъ», не смотря на приходъ другихъ постороннихъ лицъ, Б. продолжалъ свое звѣрское увѣщье и побои. Сначала офицеръ кричалъ «караулъ», потомъ замолчалъ. Жертва давно была мертва. Онъ сидѣлъ на ней и продолжалъ ее мѣсить. Такое звѣрство длилось около $\frac{1}{4}$ часа. Б. былъ отнять отъ жертвы. Въ это время у него было лицо красное, глаза сверкали. Насколько были ужасны его побои, видно изъ слѣдующаго мѣста протокола вскрытія трупа. При медицинскомъ осмотрѣ трупа Д., на его лицѣ и рукахъ оказались многочисленные слѣды побоевъ, а лѣвая ушная раковина была разрублена на три части, при чемъ раны эти, проникая кожу и затѣмъ кости черепа, коснулись и мозгового вещества, производя въ немъ разрывъ и другія болѣзненные измѣненія. Самъ подсудимый обо всемъ этомъ передаетъ такъ: послѣ выпивки и разговора съ кухаркою, онъ началъ дремать. Когда онъ уже вздремнулъ, вошелъ офицеръ Д., съ которымъ и произошелъ вышеописанный разговоръ. Б. былъ въ состояніи опьяненія, но все еще помнить, но когда Д. бросился на него и схватилъ его за волосы, онъ лишился сознанія и о дальнѣйшемъ уже ничего не помнить.

Когда на звѣрскую сцену пришелъ полицейскій и народъ и крикнули на Б., онъ еще таки разъ ударилъ и затѣмъ далъ себя арестовать. Уходя, онъ произнесъ: «давно я дожидался случая, чтобы тебя уходить... У него шесть жило и всѣ до него добирались, а я таки седьмой добрался».

V. *Патологическій аффектъ и эпилепсія.* Ротмистръ гусарскаго Ахтырскаго полка князь М. обвинялся въ томъ, что въ обществѣ офицеровъ, 14 іюня 1880 г., ударилъ кулакомъ въ лицо своего эскадроннаго командира. М. уроженецъ Кутаисской губерніи, женатъ, православный, 38 лѣтъ. Отецъ его былъ человѣкъ болѣзненный и раздражительный,—мать нервная и болѣзненная женщина, двѣ сестры подсудимаго страдали припадками эпилепсіи,—братъ былъ человѣкъ нервный, его опасно было будить во время сна,—онъ схватывался, дѣлалъ самъ не зная что, бѣжалъ самъ не зная куда—и только минутъ чрезъ 5—10 приходилъ въ сознаніе. Два остальные брата М. убиты въ послѣдней войнѣ и ихъ семейства на рукахъ подсудимаго. Въ дѣтствѣ М. былъ мальчикъ слабый, хилый и довольно раздражительный. Въ гимназіи учился хорошо, но часто страдалъ тоскою по родинѣ. Въ это время онъ перенесъ оспу и много лихорадокъ. Въ университетѣ онъ не любилъ сближаться съ обществомъ, велъ жизнь уединенную и любилъ заниматься. Поступивши въ конвой Его Величества, онъ болѣлъ тифомъ и ревматизмомъ. Затѣмъ переведенъ на югъ росіи въ кавалерію. Въ 1875 г. онъ вмѣстѣ съ лошадыю упалъ съ обрыва въ воду. Послѣ этого у него явились головныя боли, шумъ и звонъ въ ушахъ, головокруженіе иногда до безсознательности, бессонница, сильная раздражительность и общая слабость. Четыре года назадъ М. женился и имѣлъ двухъ дѣтей, изъ которыхъ одно умерло, по словамъ больного, отъ спинной сухотки. При поступленіи въ больницу М. обнаруживалъ слѣдующія явленія:

Ассиметрія черепа. Кожа и слизистыя оболочки блѣдны; подкожный жировой слой значительно атрофированы. Выраженіе лица довольно суровое и сосредоточенное; на лицѣ замѣтное подергиваніе мускуловъ даже въ покойномъ состояніи. Границы

сердца увеличены въ объемѣ. Толчекъ верхушки сердца едва замѣтенъ. Тоны сердца глухи, систолическій тонъ у верхушки сердца замѣненъ шумомъ; аортальные тоны слабы; пульсъ слабый, отъ 76 до 104 въ минуту. Температура тѣла обыкновенная. Въ верхушкахъ легкихъ при постукиваніи притупленіе и при выслушиваніи потемненное дыханіе. Печень увеличена въ объемѣ и выходитъ на два пальца изъ подъ края реберъ. Селезенка тоже увеличена въ объемѣ. Животъ слабо вздутъ. При надавливаніи на остистые отростки позвоночника замѣчается острая боль въ области 8-го грудного и поясничныхъ позвонковъ. Въ рукахъ очень часто дрожь, особенно при волненіи. Нижнія конечности тоже слабы, походка нѣсколько шаткая. Простые рефлексы и вазомоторные—повышены. Жалобы больного: на продолжительныя головныя боли, шумъ въ ушахъ, потерю аппетита, очень упорные запоры, по временамъ боли въ спинѣ и нижнихъ конечностяхъ и безсонницу.

Со стороны органовъ чувствъ—иллюзій и галлюцинацій не замѣчается. Въмѣсто этого замѣтна крайняя нервная раздражительность,—малѣйшій звукъ, неожиданный лучъ свѣта—все это заставляетъ его вздрагивать. Настроеніе духа больного очень дурное. Онъ постоянно задумчивъ, молчаливъ, любитъ уединеніе. Больной не выноситъ никакого противорѣчія. Малѣйшее несогласіе вызываетъ съ его стороны крайнюю вспышчивость, раздражительность, гнѣвъ и склонность къ дракѣ. При каждомъ словѣ въ разговорѣ съ больнымъ нужно быть очень и очень осторожнымъ. Иногда совершенно невинное замѣчаніе вызываетъ съ его стороны цѣлую бурю. Иногда это состояніе ослабѣваетъ, иногда усиливается. Усиленіе всегда замѣчается послѣ припадка. Въ это время, приходя въ раздраженное состояніе, онъ сплошь и рядомъ не помнитъ того, что съ нимъ было въ моментъ возбужденія. Способность запоминанія и воспоминанія у больного значительно ослаблены, особенно это относится къ событіямъ послѣдняго времени. Не смотря на эту раздражительность, онъ является человѣкомъ добрымъ, честнымъ и сордечнымъ. Сообразительность тоже нѣсколько ослабѣла,—больной не всегда можетъ быстро прійти къ ясному пониманію

и уясненію того или другого обстоятельства. Случается, что и заключенія его, подъ вліяніемъ страсти, бываютъ односторонни и ошибочны. Движенія быстры, порывисты, очень часто необдуманны и нелѣпы—подъ вліяніемъ минутной вспышки страсти. Живя въ больницѣ, онъ не любилъ сближаться съ окружающими. Если ему приходилось бывать въ обществѣ медиковъ и другихъ лицъ, то всѣ держали себя съ нимъ очень осторожно, такъ какъ иногда самая пустая необдуманно высказанная мысль приводила его въ волненіе и горячность. Особенно онъ бывалъ взволнованъ, когда начиналъ говорить о послѣднихъ дняхъ своего пребыванія въ эскадронѣ. Въ это время даже простой вопросъ или переспросъ выводилъ больного изъ себя и онъ начиналъ кричать. Больной любилъ книги, но не могъ подолгу читать—уставала и отуманивалась голова. Онъ не любилъ никакихъ развлеченій, въ билліардной комнатѣ онъ никогда не бывалъ. Въ теченіи пребыванія въ больницѣ, болѣе чѣмъ три мѣсяца, у М. наблюдались припадки эпилептического головокруженія (*epilepsia petit-mal*) и эпилептическихъ судорогъ (*epilepsia grand-mal*). Послѣ каждого такого припадка была потеря въ вѣсѣ отъ 2 до 5 фунтовъ. Часто больной ночью падалъ съ постели, ушибался и ничего объ этомъ не помнилъ. О припадкахъ болѣзни онъ ничего не помнилъ. Послѣ припадка онъ всегда часовъ 8—48 лежалъ въ постели, закутавшись въ одѣяло и въ это время его весьма опасно было трогать. Самое ласковое обращеніе ординатора и старшаго врача вызывало у него крайнее раздраженіе и дерзости, а разъ покушеніе на ударъ ординатору. Въ такомъ же состояніи онъ одинъ разъ за пустякъ ударилъ служителя, а другой разъ—надзирателя. Обо всѣхъ этихъ дерзостяхъ и грубостяхъ, когда успокаивался, ничего не помнилъ. Въ промежуткахъ между припадками онъ былъ вообще ласковъ, добръ, чистосердеченъ, любезенъ, вѣжливъ, услужливъ; но рядомъ съ этимъ вспыльчивъ, раздражителенъ и дерзокъ до безсознательнаго состоянія.

Обстоятельства преступленія были слѣдующія:

Нѣсколько лѣтъ назадъ полковымъ адъютантомъ былъ

Аффектъ.

нѣкто ротмистръ К—скій. Подъ начальствомъ у него стоялъ вахмистръ И—въ, какъ оказалось, человѣкъ не всегда исправный, не всегда чистый наруку и не всегда трезвый,—за что былъ нещадно битъ адъютантомъ К—скимъ. Прошло еще нѣсколько времени; К—скаго сдѣлали эскадроннымъ командиромъ. Послѣдній былъ женатъ. Офицеръ того же эскадрона, князь М., женился на его дочери. Такъ прошло еще нѣкоторое время. Почему-то К—скій вышелъ изъ эскадрона и временно, до пріѣзда новаго эскадроннаго командира, хозяйственную часть эскадрона поручилъ князю М. На мѣсто К—скаго эскадроннымъ командиромъ назначили подполковника И—ва, бывшаго вахмистра, битаго нещадно К—скимъ, тестемъ М.

Существовалъ бригадный адъютантъ Ж—въ, человѣкъ онъ былъ дѣловой и имѣлъ большое вліяніе какъ на дѣла, такъ и на людей бригады. Къ этому времени возникъ вопросъ о нѣкоторыхъ незаконныхъ пріемахъ со стороны г. Ж—ва по отношенію къ казенному имуществу и казеннымъ деньгамъ. Между прочими лицами и князь М. могъ и долженъ былъ свидѣтельствовать обстоятельства этихъ отношеній Ж. къ казенному имуществу,—и свидѣтельствовать съ документами въ рукахъ. Эскадронный командиръ И—въ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ адъютантомъ Ж—вымъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній находился еще при дѣлѣ. Вотъ канва, на которой разыгралось преступленіе князя М.

Подполковникъ И—въ вышелъ изъ вахмистровъ. Достигъ онъ своего положенія крѣпкою натурою и гибкимъ характеромъ. По отношенію къ офицерамъ ниже себя относился крайне грубо, дерзко и нахально. Доказательствомъ можетъ служить то, что одинъ изъ офицеровъ, прикомандированный къ эскадрону, просилъ свое высшее начальство удалить его изъ эскадрона, во избѣжаніе повторенія столкновенія на подобіе съ княземъ М. Другой офицеръ присланъ былъ изъ другого эскадрона для участія въ пріемѣ имущества послѣ князя М. Въ теченіи очень короткаго времени подполковникъ И—въ своимъ передразниваньемъ, грубостями и дерзостями довелъ до того, что тотъ пришелъ въ состояніе изступленія и навѣрное повторился бы

случай съ М., если бы все это время не присутствовалъ подполковникъ Б., сдерживавшій оскорбляемаго офицера.

Князь М. получилъ университетское образованіе, человѣкъ честный, мягкій, добрый, прекрасный товарищъ и отличный хозяинъ—семьянинъ. Единственный домъ, гдѣ собирались офицеры эскадрона, по показанію даже завѣдомо противныхъ ему свидѣтелей, это былъ домъ М. Но нѣсколько лѣтъ назадъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ упалъ съ лошадыю съ обрыва, онъ сталъ болѣть и характеръ его сильно измѣнился. Онъ сталъ задумываться, грустить, уединяться и безцѣльно подолгу бродить по полямъ. Онъ сдѣлался человѣкомъ до крайности раздражительнымъ, вспыльчивымъ и невыносимымъ. Его раздражительность была «неестественная, ненормальная, исключительная, болѣзненная», какъ выразился одинъ изъ свидѣтелей. Онъ раздражался не только при противорѣчій ему въ чемъ-нибудь, но даже изъ за пустяковъ и безъ всякаго повода. Такъ однажды играли офицеры въ карты. Игралъ и М. Заспорили о правилахъ игры. Подходить еще одинъ офицеръ, очень хорошій знакомый М., и подаетъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ М. Это такъ взорвало М., что онъ началъ дѣлать дерзости, кричать и едва не бросился побить. Товарищи удержали. Нужно было уложить М. въ постель. Чрезъ 5—6 часовъ онъ ровно ничего не помнилъ. На другой день онъ искренно извинился предъ товарищами и все таки ничего не помнилъ.

Въ силу его такой раздражительности товарищи старались рѣже съ нимъ встрѣчаться и всѣми мѣрами уступать ему, чтобы не нарушить вполне заслуженныхъ товарищескихъ отношеній. Если въ эскадронъ поступалъ новый человѣкъ, то его предупреждали быть снисходительнымъ къ М., такъ какъ онъ человѣкъ больной.

А онъ былъ дѣйствительно человѣкъ больной. Всѣ офицеры часто видѣли, какъ онъ отъ головной боли закутывалъ голову въ утиральникъ и тогда надѣвалъ фуражку. Случались съ нимъ и странныя выходки. Такъ разъ были въ гостяхъ. Былъ съ офицерами и М. Въ сумерки вышли изъ дому въ садъ. Были на разстояніи шаговъ 40 отъ крыльца. Товарищи замѣтили,

что М. боится отстать отъ нихъ и все старается въ середину попасть. Сговорились — сразу броситься бѣжать. Сдѣлали. М. за ними, схватилъ ихъ за полы и такъ влетѣлъ въ домъ. Глянули — на М. лица нѣтъ. Онъ блѣдный, весь дрожитъ. Стыдно стало офицерамъ своей шутки. Другой разъ были въ томъ же домѣ. М. былъ задумчивъ, грустенъ и сосредоточенъ. Видимо страдалъ. Согласились поѣхать посмотрѣть на стрижку овецъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь развлечь М. Собираются. Смотрять, М. беретъ револьверъ, кинжалъ и саблю. «Зачѣмъ это?—Мало-ли что можетъ случиться.

Пріѣхалъ новый командиръ подполковникъ И—въ.

По пріѣздѣ новаго командира М. первый разъ встрѣтился съ нимъ въ чужомъ домѣ. Уже въ это время командиръ предложилъ М. вопросы, которые, по мнѣнію послѣдняго, были для него оскорбительны. Разъ И—въ шелъ съ офицерами мимо квартиры М. Кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что здѣсь живетъ М. Тогда И—въ возразилъ: «если бы зналъ, что здѣсь живетъ Кавказскій князь, ни за что бы не пошелъ мимо». Это передали М. И—въ приказалъ ему, немедленно сдать хозяйственную часть другому офицеру. Начался приемъ. Собственно говоря сдавать эту часть долженъ былъ не М., а подполковникъ К—скій, который въ это время былъ на лицо и предлагалъ свои услуги. Но И—въ не обращалъ на это вниманія и требовалъ отчета отъ М. Каждый день съ 8 ч. и до 2-хъ, затѣмъ съ 4-хъ и до 7 командиръ мучилъ М. надъ вещами; но вещей не принималъ, а только рылся и приговаривалъ: «нѣтъ, здѣсь что-то не такъ», — «нѣтъ, здѣсь что-то не ладно» и проч. «Иногда доходило до того, что я становился, какъ статуя», говоритъ М. «Видно было, что онъ хотѣлъ меня вывести изъ себя. Но зналъ я также и тяжелую отвѣтственность и то что на моихъ рукахъ сироты».

Вѣчно съ головными болями, крайне раздраженный, убитый, безъ пищи и безъ сна, М. всѣ силы свои напрягалъ, чтобы удержать себя отъ грубаго отвѣта. И—въ же какъ бы умышленно велъ къ тому. Такъ онъ сдѣлалъ выговоръ М. приказомъ на весь эскадронъ за то, то что М. позволилъ одному

изъ чиновникомъ получить справку въ канцеляріи, хотя М. имѣлъ на это право. Далѣе, на ученіи И—въ поставилъ М. предъ 4-мъ взводомъ, тогда какъ по закону онъ, какъ старшій офицеръ, долженъ былъ стоять предъ первымъ взводомъ. Въ обществѣ офицеровъ И—въ не стѣснялся отзываться дурно объ М., такъ напр., онъ говорилъ о М., что тотъ сначала дастъ срочныя вещи, а потомъ запасныя, чтобы обратить потомъ первыя въ послѣднія. М. чувствовалъ себя скверно до ужаснаго головокруженія, бессонница, головная боль и ужасная раздражительность, при невозможности найти ей исходъ, приводили его въ ужасное состояніе. Онъ просился въ отставку, но дѣло все тянули и тянули. Приближалось слѣдствіе по дѣлу Ж—ва. М. былъ важный свидѣтель. Его нужно было упрятать. Это онъ сознавалъ. Сознавалъ онъ и отвѣтственность.

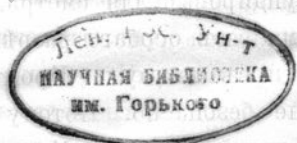
13 іюня вечеромъ М. получилъ приказъ отъ командира, приготовить на завтра къ 8 ч. всѣхъ солдатъ въ полной обмундировкѣ для смотра. Дѣло было въ 10 ч. вечера. Въ это время безъ особаго разрѣшенія командира М. не имѣлъ права войти въ цехгаузъ. Кромѣ того войти съ огнемъ лѣтомъ было и не безопасно. Потому рано утромъ онъ это и сдѣлалъ. Но предварительно М. видѣлъ явную придирку къ нему со стороны командира И—ва. М. докладывалъ ему, что шпоръ не хватаетъ на всѣхъ солдатъ и что шинели не на всѣхъ пригнаны. Слѣдовательно И—въ и не могъ требовать полной обмундировки всѣхъ солдатъ отъ М. Тѣмъ не менѣе рано утромъ М. постарался исполнить то, что можно было. Рано же утромъ вышелъ и И—въ и послалъ унтеръ-офицера узнать— всѣ ли солдаты обмундированы. Унтеръ-офицеръ подошелъ къ фронту и началъ дѣлать перекличку солдатъ, не смотря на то, что предъ фронтомъ—стоялъ князь М. Нижній чинъ не могъ дѣлать переклички при офицерѣ. М. послалъ его на гауптвахту. Тогда М. пошелъ къ командиру.

М. прямо подошелъ къ И—ву. Послѣдняго окружали офицеры. М. подошелъ, взявъ подъ козырекъ и доложилъ, что онъ послалъ унтеръ-офицера на гауптвахту за дерзостью. Тогда

И—въ спросилъ его: «А вы читали мой приказъ»?—Читаль. «Почему вы его не исполнили»? Въ это время онъ схватилъ за руку М., которую тотъ все время держалъ подъ козырекъ, и сильно отбросилъ ее. Тогда М. сдѣлалъ шагъ назадъ и ударилъ И—ва въ лицо кулакомъ. Его схватили.

Какъ ударилъ М. командира и что съ нимъ было потомъ—онъ ровно ничего не помнитъ. Очнулся онъ уже въ постели подъ арестомъ. Солдаты, близко стоявшіе, свидѣлствуютъ, что оба, и полковникъ и князь, «крупно говорили». Свидѣтели офицеры говорятъ, что М. въ это время былъ крайне взволнованъ, глаза красные, дрожалъ и все вниманіе сосредоточилъ на И—въ.

Случаи патологическихъ аффектовъ описаны кромѣ того и другими лицами, какъ: А. А. Петровымъ ⁸⁾, проф. И. Р. Пастернацкимъ ⁹⁾, И. А. Сикорскимъ ¹⁰⁾ и В. С. Грейденбергомъ ¹¹⁾.

⁸⁾ А. А. Петровъ, Аффектъ и преступления, Архивъ психіатріи, 1894.

⁹⁾ Проф. И. Р. Пастернакій, Судебно-психіатрическій случай патологическаго аффекта, Архивъ психіатріи, т. VI, к. 2, стр. 1.

¹⁰⁾ И. А. Сикорскій, О душевномъ состояніи при аффектѣ, Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ и проч., 1876. т. I.

¹¹⁾ В. С. Грейденбергъ, Вѣстникъ клинич. и дущ. психіатріи, 1889, II.